

Илья ЦЕНЦИПЕР

ДОМАШНИЕ РАДОСТИ

В выставочное пространство «Библиотеки безумцев» выбросили то, что никак не предназначалось для показа: милый домашний мусор, частные архивы, завалы после генеральной уборки, проведенной нашими аккуратными иностранными друзьями. Это была выставка книг художников, написанных-нарисованных, как правило, в единственном экземпляре, ради шутки, для подарка. Лишь немногие делались для показа, как альбомы Кабакова, или для типографского тиражирования, как последние книги Тишкова.

Когда несколько лет назад мне впервые подарили такую книжку, я долго не мог понять, куда ее деть. На стену под стеклом не повесишь. На полку не поставишь — жаль зажать, потерять ее между типографскими кирпичиками. Положить на стол (на специальный попир?) — как-то слишком торжественно и места нет. В конце концов я сунул книжку в ящик письменного стола — к письмам, фотографиям и всякому смешному бараклу, которое жалко выкинуть.

«Библиотеку безумцев» Юлия Кисина и Сергей Радлов сделали в тот момент, когда книжки художников превращаются из обаятельного семейного развлечения, привлекательного своей неприменимостью, незаметностью в качестве какого-то специального вида или жанра, в искусство среди искусств, серьезное вполне занятие, обрастающее традициями и организациями, подлежащее обсуждению, фотографированию, репродуцированию, описанию, штемпелеванию на вывоз из страны, объяснению, показу и продаже.

Уже существует по крайней мере два московских издательства, занимающихся «авторскими» книгами, — одно хорошее, «Даблус», и одно плохое, «ИМА-Пресс». «Синтаксис» печатает русских художников в Париже; крупная фирма «Рихерт и К°» финансирует выставку, о которой идет речь; организуется галерея, пишутся статьи, а на искусствоведческом факультете Московского университета даже был защищен диплом.

В связи с такими книгами принято вспоминать альбомную культуру прошлого века, книги футуристов, самиздат. Однако большинство выставленных художников, кажется, не очень беспокоится о традициях и особенностях такого письма — бытового, частного, содержащего понятные только своим намеки, обращенного к тому, чье имя заранее известно. Делались работы просто, как Пушкин в альбомы писал, — в никуда, не примериваясь к собранию сочинений, а кому — вот для А. О. Россет, а вот для А. И. Вульф.

Работы Юли Кисиной, собравшей «Библиотеку безумцев», — наилучший пример такой книги. В них присутствуют друзья и знакомые, поучения и сентенции, иностранные слова и выражения — обрывки услышанного сквозь дверь table talk, превращенного в экзотическое собеседование. Книжки Кисиной — подарки, игрушки: страницы покрыты яркими разноцветными разводами и аккуратными изображениями принцесс и кроликов. Для большинства участников выставки книжки — только маргиналии, описки, черновики. Кисина стилизует эту необязательность, ненужность, которые должны отличать домашнюю книгу. В ее книжках есть приближенность, неотточенность сделанного руками и для себя. Когда «Даблус» воспроизвел ее «Книгу о незначительных изменениях» типографским способом, рукописная неточность стала недостатком. В оригинале она — достоинство.

Книга поворачивается на выставке разными сторонами и понимается по-разному, сопровождаемая визуальной поэзией Всеволода Некрасова и Дмитрия Пригова, пространственно организованными стихами Льва Рубинштейна, мейл-артом, подпольными журналами вроде «Синефантома» и так далее.

Например, для Владимира Сулягина, для Майи Чхония книга — способ организации пространства. У Сулягина она — сверхъемкое пространство, содержащее и упаковывающее образы.

У Кабакова книга, альбом-представление — серия последовательных картин мира.

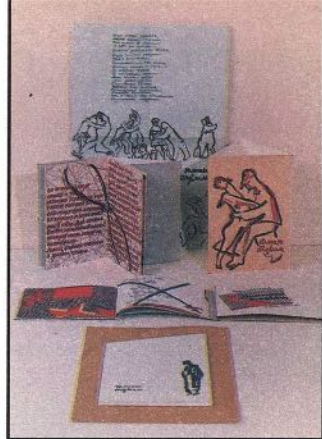
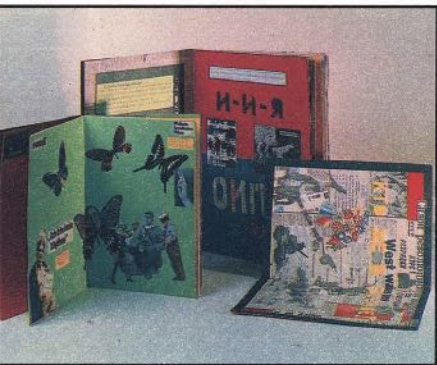
Собственно, ничего безумного на выставке «Библиотека безумцев» нет. Выставленные книжки делали в основном люди совершенно вменяемые, ведущие более или менее обычный образ жизни, ценители радостей домашнего очага и дружеского круга. Большая часть книжек делалась просто так, в них нет откровенности, нет последовательной предельности модернизма или «человеческой критики» постмодернизма. Однако, подобно многим важным художественным событиям последних лет, эффект этой выставки связан с перемещением искусства, когда возможность найти для него новое место оказывается более значительной, чем оно само. В качестве примера можно привести «Другое искусство», о котором писал «Огонек», — выставку вроде бы хорошо известного искусства шестидесятых годов, переоцененного и переосмысленного попаданием в Третьяковскую галерею. Потому же столь интересной оказалась «Библиотека безумцев», вдруг оценившая, придавшая значение милым мелочам. Пустяки, книжки в несколько страничек как нельзя лучше представляли ту ерунду, которая выдержала давление монумента, раздавившего вещи куда более прочные, исполненные смысла и способные к сопротивлению.

BOOK ART

ОГОНЕК

Юлия Кисина.
Лист из альбома «ИНФАНТА-ДЕВОЧКА».
1989.

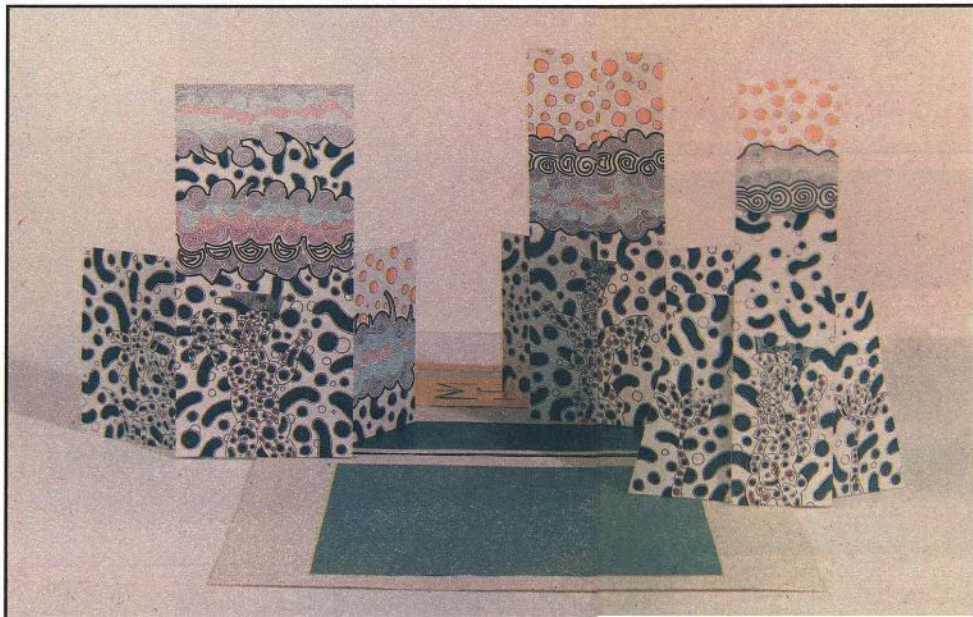
- Первые номера журнала «СИНЕФАНТОМ». Издание братьев Алейниковых. 1988.

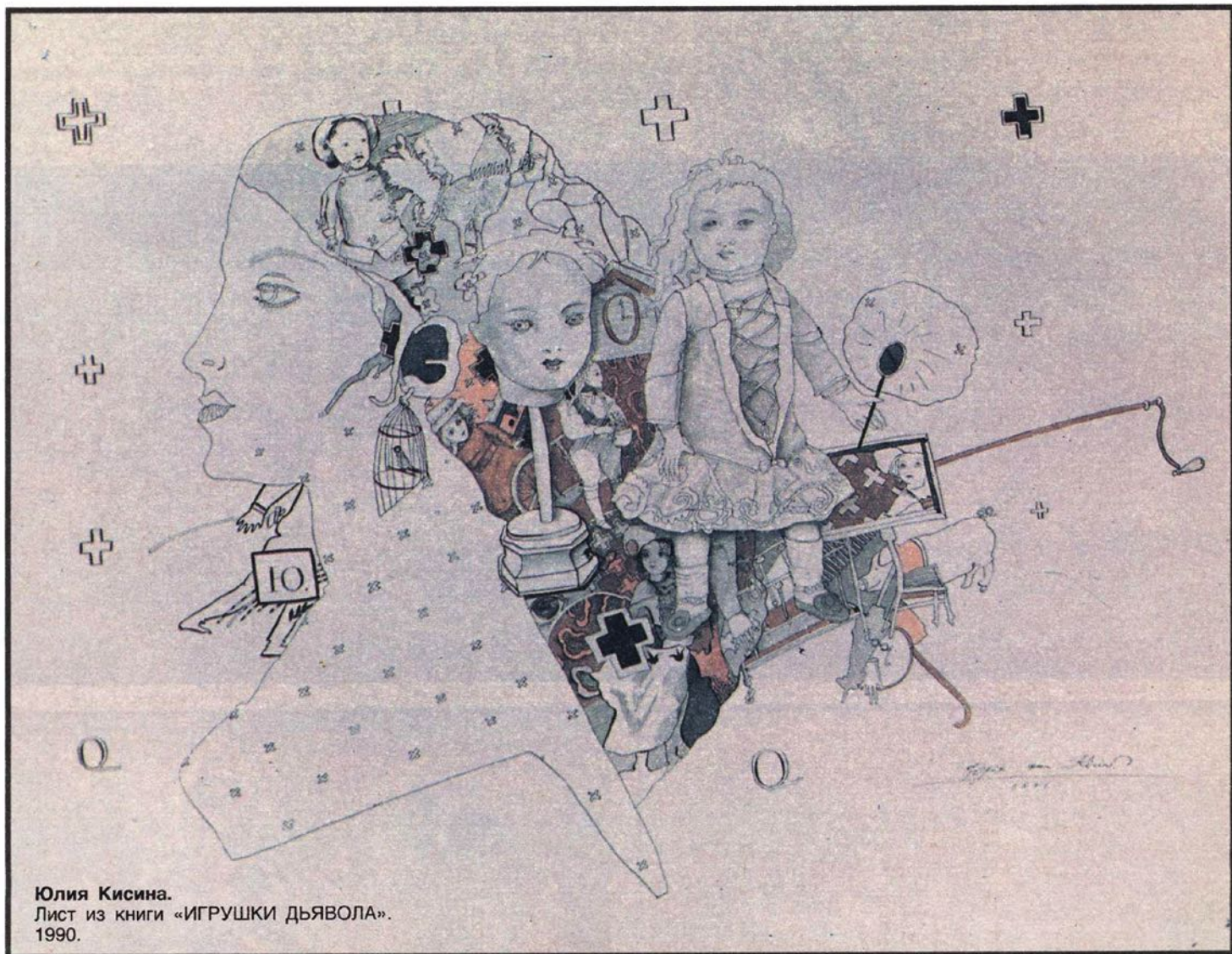
- Михаил Карасик. Литографированные книги разных лет.

- Михаил Молочников. Электростатические альбомы. 1991.

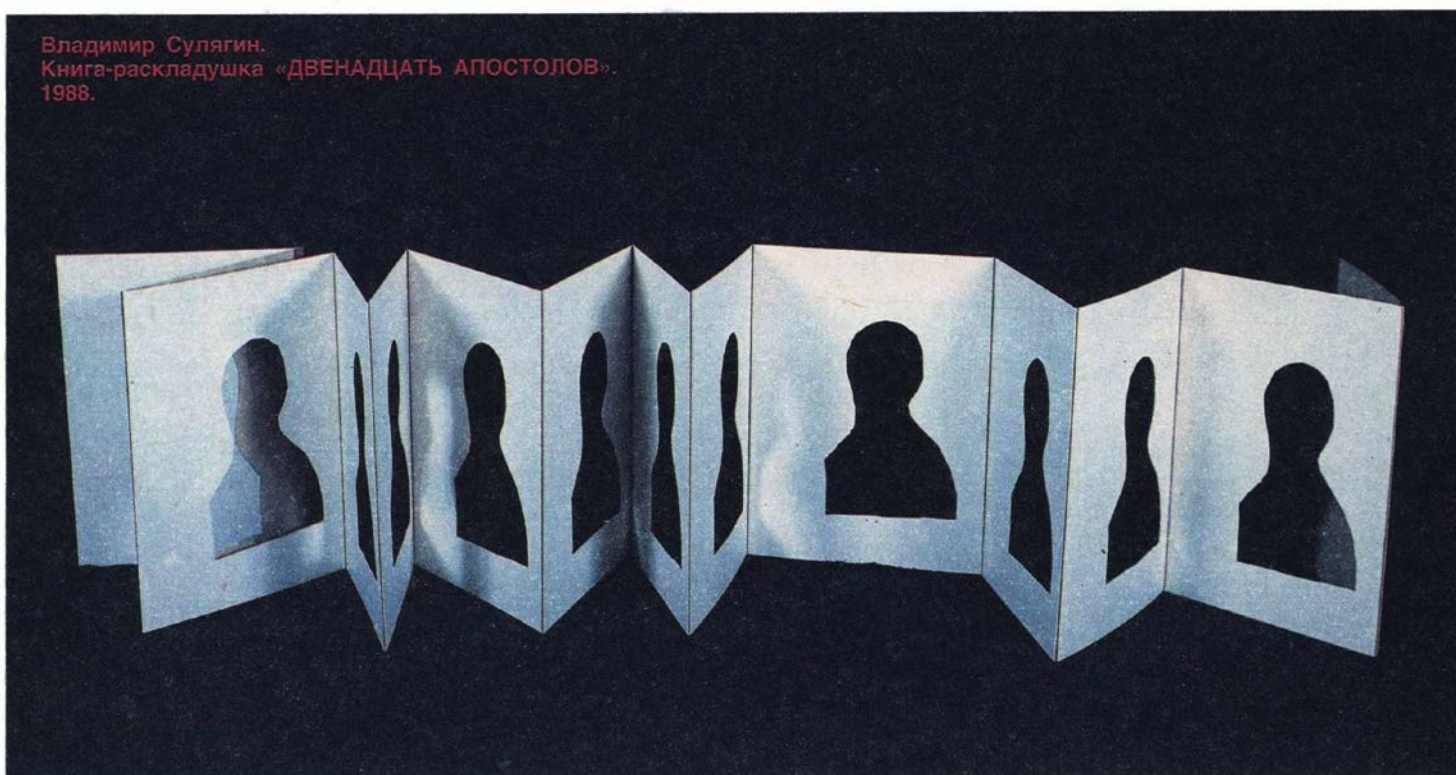
- Владимир Сулягин. Книга «ОБОЩЕННЫЙ МИРОМ». 1981—1982.

- Леонид Тишков. Из книги «ПАЛИМПСЕСТЫ». 1991.

Юлия Кисина.
Лист из книги «ИГРУШКИ ДЬЯВОЛА».
1990.

Владимир Сулягин.
Книга-раскладушка «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ».
1988.